

Национальный человеческий капитал и будущее России

М.А. Мунтян

Должен признаться, что я собирался выступить на чтениях с несколько иной темой, но начавшаяся в предыдущих выступлениях весьма содержательная и интересная дискуссия по воистину энциклопедическому многотомнику А.И. Подберезкина изменила мои намерения. Тем более что мне еще раньше, чем задумывались нынешние чтения, удалось ознакомиться со всеми тремя изданными Алексеем Ивановичем томами и проспектами готовящихся к публикации еще двух, и, воздавая должное их новаторскому характеру и актуальности, я даже написал большую положительную рецензию.

И это несмотря на то, что, воспитанный на протагоровском постулате о «человеке как мере всех вещей», я был и остаюсь противником измерения его пусть и человеческим, но капиталом. Ведь, по Марксу, капитал – это прежде всего деньги, «делающие» еще большие деньги, или более расширительно – это ресурсы, способные создавать самовозрастающие стоимости в хозяйственно-рыночных оборотах и циклах. И остался верным оценке Протагора не потому, что она льстила моему человеческому самолюбию. Я изначально был настроен против «человеческого капитала» как образца избыточных терминов, которыми социальная теория обогащается всегда, когда она неспособна расшифровать новые вызовы истории, проявляющиеся еще только в виде протуберанцев разного рода кризисов и обществен-

ных катастроф. Неслучайно даже ревнители «человеческого капитала» как его синонимы используют сплошь и рядом такие понятия, как «человеческий потенциал», «человеческий ресурс», «человеческий фактор».

И моим союзником в обосновании такой позиции стал один из крупнейших футурологов современности Э. Тоффлер. В своей книге «Третья волна» он писал о двухсекторности «научной экономики» или «экономики знаний» постиндустриальной эпохи, в которой из капиталистической рыночной экономики должно быть выведено производство самого человека, ибо эта сфера не может подчиняться законам и закономерностям рынка, преобразуя «экономического человека» в «Homo ingenuus».

В 2006 г. появляется написанная Тоффлером вместе с женой Хейди книга «Революционное богатство», в которой авторы попытались осмыслить социально-экономические перемены, случившиеся в мире после выхода в свет «Третьей волны». И в ней, словно наперекор господствующим в настоящее время в политике и науке тенденциям, авторы рассуждают о подрыве рыночных отношений в процессе развития самого капитализма, что ведет к возникновению «революционного богатства» – преобразующих человеческий мир «неощутимых», нематериальных благ. По своей природе эти блага не могут быть приватизированными, так как никакие законы об охране интеллектуальной собственности не могут помешать их

транснациональному распространению и использованию, ибо они связаны с процессами «по ту сторону сферы собственно материального производства». Тоффлеры в этой связи заключают, что «просьюмеры» (соединенные воедино производители и потребители одних и тех же нематериальных в основном благ) создают огромную часть «революционного богатства», без которого сегодня эффективной не может быть никакая рыночная экономика.

В конце XX столетия по мере развития теорий постиндустриализма стала шириться критика капитализма и всей цивилизации модернити, начиная с антиглобалистов и альтерглобалистов и кончая представителями «сильных мира сего» – политиков и ученых США. Откровенной тревогой о судьбе капитализма пронизаны появившиеся в это время книги нажившего миллиарды на финансовых спекуляциях Дж. Сороса, ставшего радетелем «свободного общества», и И. Валлерстайна, создателя знаменитой теории мир-системной экономики. Последний из них опубликовал в 1999 г. в журнале «Международная социология» статью под названием «Глобализация или век перехода?». В ней он рассмотрел реальную перспективу исчерпания ресурсов существования экономики, фундаментальной основой которой является накопление капитала. Он выделил три тренда факторов, подрывающих существование возникших вокруг капитала как центрального движущего механизма экономики:

– первый из них связан с накоплением капитала за счет низкой заработной платы работникам – выходцам из сельской местности. Однако в первой четверти XXI в. следует ожидать, согласно данным аналитических служб ООН, исчезновения аграрного мира, так как 5,5 из 7,5 млрд землян к 2025 г. будут жить в городах;

– второй тренд факторов, лимитирующий накопление капитала, касается используемых в производстве материалов в связи с необходимостью включать в стоимость товаров расходы по сохранению природной среды. «Я не вижу какого-либо реального решения этой фатальной дилеммы в рамках капиталистической мир-экономики», – писал Валлерстайн;

– третий действующий в том же направлении тренд факторов касался необходимости увеличения налогов на фирмы, индивидуальных производителей и работников, к чему толкают социальные расходы государства.

По мнению Валлерстайна, совокупное воздействие всех трех этих трендов рано или поздно вызовет «терминальный кризис» в целом капитализма и капиталистической мир-системы. Этот кризис уже идет и продлится, как предполагает американский ученый, до 50 лет. Возникающая в этой связи бифуркация поставит всю современную социальную систему «перед двумя или более альтернативными путями к новой структуре с ее новым равновесием, новыми ритмами циклов с новыми вековыми

трендами». Рассматривая современное состояние мира как переходное, Валлерстайн оценивает осуществляемый транзит как борьбу двух гигантских лагерей. С одной стороны, речь идет, по его мнению, о тех, кто хочет сохранить привилегии существующей системы неравенства, с другой – тех, кто стремится создать новую историческую систему, которая будет более демократичной и эгалитарной, чем прежняя.

Сравнивая современный мир с несущимся без тормозов под гору автомобилем, Валлерстайн ничего не говорит о «мудром шофере», который сможет спасти и автомобиль, и его пассажиров. «Исход политической борьбы частично будет результатом того, кто сможет лучше мобилизоваться, – заключил свои размышления ученый. – Но в большей степени исход станет результатом лучшего анализа происхождения и реальных исторических перспектив, перед которыми мы коллективно стоим». И не «человеческий ли капитал» «золотого миллиарда», во многом превосходя показатели стран полупериферии и периферии, должен мобилизовать первый лагерь, обеспечив ему внутреннюю толерантность и сплоченность, чтобы выступить в роли «мудрого шофера»?

В своем серьезном научном труде А.И. Подберезкин использует понятие «человеческий капитал» для того, чтобы рельефней прочертить уровни, с которых разные страны стартуют в постиндустриальной модернизации для обеспечения фазового перехода к новому цивилизационному этапу развития человечества. Этот термин ему нужен для обоснования понятия «национальный человеческий капитал», под которым подразумевает совокупный культурно-духовный потенциал общества, способный или неспособный сохранить национальную идентичность в условиях глобальных вызовов истории. Как считает автор, в начале XXI в. НЧП выступает «самым эффективным инструментом внутренней и внешней политики» любой страны, ибо он способен:

а) с научно-технической точки зрения: дать качественно новые товары и услуги (а это и есть, строго говоря, инновации по общепринятому определению);

б) с экономической точки зрения: дать опережающие темпы развития экономики (как в Китае, например);

в) с военно-политической точки зрения: создать эффективные национальные вооруженные силы и средства, соответствующие мировым требованиям;

г) с социальной точки зрения: вовлечь в процесс модернизации главную движущую силу современного общества – творческий (креативный) класс.

Использование автором этого тонкого и одновременно точного инструмента позволяет ему убедительно аргументировать зачастую весьма нелицеприятные суждения и оценки в целом курса современной российской модер-

низации, поведения национальной элиты и ее неспособности разобраться в сущности исторических вызовов, стоящих перед страной, неадекватности действий правящего класса национально-государственным интересам. А.И. Подберезкин не только критикует несущую и ошибки катастрофического прошлого, но и обосновывает концепцию, которая должна, по мнению автора, вывести Россию на авангардные позиции в меняющемся мире. Отсутствие национальной идеологии не позволило России, по мнению автора, обрести сколько-нибудь оптимальную стратегию развития в последнее трансформационное десятилетие ее истории. Этот же вывод он распространяет на все стороны и аспекты жизни страны в ее недалеком прошлом и в настоящем. Настойчивость автора в выдвигании национальной идеологии во главу угла преобразования жизни российского общества и государства может показаться его приверженностью позиции, что «идеи правят миром».

Спору нет, управляя поведением людей, идеи действительно определяют бытие человеческого мира. Автор также знает и доказывает, что бессмысленна сама постановка вопроса о «деидеологизации» внешней или внутренней политики, ибо убежден в том, что ни экономика, ни политика, ни государственные структуры никакого иного языка, кроме как «идеологии», не имеют. По его мнению, материалистические традиции мировой общественной мысли отнюдь не враждебны тезису о нарастании мощи человеческого духа и сознания, которые все более властно вмешиваются в бытие постиндустриальных обществ. А раз это так, то стране наиболее полезна может быть идеология, основанная на опыте исторического существования ее народа и наработанных им культурно-цивилизационных ценностей, ибо без нее не может быть выработана сколько-нибудь оптимальная стратегия продвижения России в будущее.

Обоснование необходимости национальной идеологии для обеспечения так нужного рывка в развитии России автор завершает представлением русского социализма как сценария модернизации в соответствии с требованиями национальной идентичности. Идеология русского социализма в представлении автора – это «специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей форма идеологии социального консерватизма. Похоже, что в начале XXI в. именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. ... Основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложилась за годы президентства В. Путина и Д. Медведева. Ее отдельные элементы – сильное государство, традиции, социальная

ориентированность. Думается, что ближайшие годы станут периодом ее формализации, а может быть, и нормативного оформления в некую идеологическую систему или доктрину, представляющую собой систему доминирующих взглядов российской элиты». «В основе идеологии русского социализма, – пишет автор далее, – лежит главная идея – развитие человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую роль цели и одновременно средства развития». При этом Алексей Иванович не апеллирует к русскому крестьянскому социализму XIX в., не ностальгирует по социализму советского образца, а скорее следует подходу мыслителей – сторонников исторического «забегания», которые считают, что индустриальная основа недостаточна для того, чтобы обеспечить реализацию главных гуманистических целей социалистическим обществом, то есть нельзя неадекватными средствами реализовать желаемые цели. В XX в. социализм может быть признан утопией, ибо в большинстве из стран, его реализовавших, он потерпел фиаско. Но это вовсе не означает, что будущее, несущее человечеству новые производительные силы и технологические уклады, не даст возможности людям совершить прыжок из «царства необходимости» в «царство свободы», что представляется сутью социализма.

Вызывает уважение и всегда новое прочтение в рецензируемой работе А.И. Подберезкина десятков «вечных вопросов» международных отношений и мировой политики, государства и акторов «вне суверенитета», войны и мира, силовой и «мягкой» политики, военных угроз и обеспечения безопасности и т.д. Их перманентно постановочный характер, обуславливаемый всегда «бурлящей» международной средой, позволяет специалистам иначе оценивать и интерпретировать явления и события российской истории и политики последнего десятилетия, нежели это делает А.И. Подберезкин. Но для того, чтобы «на равных» дискутировать с автором рецензируемого труда, его оппоненты должны обладать такой же недюжинной профессиональной эрудицией; быть способными превращать опыт исторической практики в теорию и пользоваться теорией в качестве компаса, помогающего ориентироваться в хитросплетениях внутренней и внешней политики, международных отношений и вызовов будущего, уже присутствующих в современном мире; оставаться ответственными в своей беззаветной любви к Родине, жить ее проблемами, «болеть Россией».

Muntyan M.A. National human capital and the future of Russia.